

Глава 12

В оригинале было сказано лишь, что наследный принц скончался от болезни в первый месяц, но не уточнялось, какого именно числа. Возможно, это случилось как раз в эти дни.

Наследному принцу не было и восьми лет, он был младшим сыном императора Сюаньцина. Во дворце долгие годы не было многочисленного потомства — всего несколько принцев. Кроме старшего наследного принца, который был лишён титула и сошёл с ума от страха, остальные принцы либо погибли в результате несчастных случаев, либо покончили с собой из-за обвинений в мятеже. К настоящему времени не осталось ни одного взрослого здорового принца — только этот младший сын.

Единственный наследный принц погиб — дело чрезвычайной важности. Во дворце скрыли траур и строжайше заблокировали все вести.

Все чиновники при дворе, ничего не зная, праздновали Новый год, и никто не ведал, что в Восточном дворце случилась беда.

Не говоря уже о страже, охранявшей императорский дворец, — даже те, кто блокировал вести, возможно, не знали, какие именно вести блокируются.

Шэнь Чии полностью воспользовался преимуществом своего «попадания в книгу», поэтому знал всё в деталях.

Именно потому, что он знал, он ничуть не волновался.

«И это всё?»

— спросил он.

Престолонаследие пустует, во дворце смута — действительно большое дело. Но какое отношение это имеет к нему, отдалённому удельному князю, живущему за тридевять земель от императора? Зачем было срочно, как при пожаре, отправлять весть в Цюэчэн?

Улин же сказал: «Через два дня после блокировки вестей из дворца отправили тайный указ, выслав отряд Стражей Летящих Облаков в Цанчжоу, чтобы огласить указ наследному принцу Цан».

Шэнь Чии: «?»

Наследный принц Цан?

До боли знакомое обращение.

Это я?

Он поднял палец, указывая на себя.

Улин закивал, как пестик в ступе.

Шэнь Чии: «???»

В оригинале такого не было?

У Цанчжоу с самого начала и до конца не было никакой роли?

Самым вероятным указом, который император мог ему отправить, был указ о пожаловании титула князя.

Но наследный принц только что умер — как император мог в такое чувствительное время внезапно пожаловать ему титул? И для пожалования титула вовсе не нужен был тайный указ.

Неужели это как-то связано с кончиной наследного принца от болезни?

Но если наследный принц умер от болезни, зачем оглашать указ в его пустынном и отдалённом Цанчжоу?

Шэнь Чии тут же пришёл в смятение.

Он уже было сел, сжимая в руке белое нефритовое кольцо с драконом, но, услышав это, почувствовал себя как на иголках и резко вскочил.

Опустив взгляд на белый нефрит в руке, он снова вспомнил о Му Чэньсюэ, и сердце его наполнилось досадой.

Он попытался определить, отличается ли это кольцо чем-то от описанного в оригинале — может, это не тот важный предмет. Но он занимался этим ещё до прихода Улина и, очевидно, безуспешно.

Он даже совершенно не мог вспомнить, где в оригинале упоминался такой персонаж, как Му Чэньсюэ.

С одной стороны — Му Чэньсюэ, который был тесно связан с оригиналом, но не оставил в нём никаких следов, — и он же его задел; с другой — непонятный императорский указ с неизвестным содержанием — возможно, тоже связанный с важным сюжетом оригинала...

Если бы не то, что его внутренняя система могла появляться всего два раза, он непременно спросил бы, что же происходит.

Шэнь Чии плотно сжал губы, опустил взгляд. С утра он кое-как привёл себя в порядок, и теперь, из-за плетёной шляпы, выбившиеся пряди волос разлетались на ветру, придавая ему ещё более растрёпанный и взволнованный вид.

«Наследный принц, что нам теперь делать?»

— спросил Улин. «А господин Му? Почему его не видно вместе с его домашними?»

Шэнь Чии легонько покачал головой: «Он вышел по делам».

Он тяжело задумался и больше не раскрывал рта.

Улин поклонился ему и беззвучно удалился.

Вернувшись, Улин переоделся с промокшей под дождём одежды и принёс тарелку бобового печенья и заваренный чай «Весенний дождь с горы Цзиншань».

Аромат чая тонкой струйкой витал, проникая в нос и рот, согревая и прогоняя холод.

Хотя он не знал о белом нефритовом кольце с драконом, он понимал, что Шэнь Чии встревожен — уже один только тайный указ, направленный в княжеский дворец Цанчжоу, был делом чрезвычайной важности.

Улин снял кольцо с руки Шэнь Чии и положил его на восьмиугольный стол. «Откуда у наследного принца этот белый нефрит? До чего же красивый...»

Он взял смоченное в горячей воде полотенце, вытер руки Шэнь Чии и сказал: «Вы ещё не ели после пробуждения. Съешьте что-нибудь и выпейте чаю. Может, это и вправду просто указ о пожаловании титула или новогоднем даре. В последнее время слишком много волнений, поэтому государь использовал тайный указ, чтобы избежать неприятностей. Если наследный принц обеспокоен, когда господин Му вернётся, мы попрощаемся и сегодня же ночью помчимся во весь опор обратно в Цанчжоу, чтобы принять указ».

Раньше, когда Шэнь Чии сталкивался с неприятностями, он просто ел и пил, и всё проходило.

Но сейчас у него совершенно не было настроения. Он снова покачал головой и махнул рукой, спросив: «Который час?»

«Час Шэнь (15:00–17:00)».

Шэнь Чии опешил.

Он встал, открыл окно и выглянул.

Дождь прошёл, небо прояснилось, но бирюзовое озеро словно застыло в мелкой мороси — туманная дымка стелилась, лодки покачивались.

Свет дня ещё не померк, но на краю небосвода уже лежал закат, распускаясь тёплой желтизной, готовый вот-вот нарисовать всепоглощающие сумерки.

Южные реки и туманы не ведали его душевной тревоги и вместе с холодным ветром безмятежно ждали наступления звёздной ночи.

Тот человек, уходя, сказал: если рано, вернётся к сумеркам...

Шэнь Чии резко захлопнул окно, принял решение и, обернувшись, быстро сказал: «Улин, собирай вещи. Уходим. Возвращаемся в Цанчжоу».

«Сейчас? Наследный принц не подождёт, пока вернётся господин Му...?»

«Да, сейчас. Ладно, времени мало, багаж не нужен, возьми только банковские билеты. Ах да, ещё рецепт бобового печенья, купленный у мастера чайных закусок, и возьми несколько коробок чая “Весенний дождь с горы Цзиншань”».

Улин запомнил всё и из потайного шкафчика в маленькой каюте достал длинный узкий деревянный футляр.

«Меч наследного принца...»

Футляр открылся, и взору предстал длинный меч, тонкий, как крыло цикады, с лезвием, отражающим свет.

На лезвии были выгравированы два иероглифа: «Поток ветра».

У этого меча было довольно интересное происхождение.

Шэнь Чии дважды «попадал в книги». В прошлый раз это был роман о боевых искусствах в том же мире. Его персонаж был гением из клана боевых искусств династии Дасин, но он страдал врождённой неизлечимой болезнью и умер, не дожив до двадцати, после чего снова «попал» и стал нынешним наследным принцем Цан.

Воспоминания о первом «попадании» сохранились, ему не нужно было искать учителя — он с детства занимался боевыми искусствами. Несколько лет назад, когда он подросток, он, опираясь на знания из прошлой жизни, разыскал великого мастера-кузнеца Тайшу Куана и попросил выковать для него меч, который всегда можно носить с собой. В то время Тайшу Куан уже был близок к концу своей жизни и не хотел ковать смертоносное оружие. В итоге он выковал мягкий меч, который можно было обмотать вокруг талии и спрятать под одеждой.

Этот меч не только резал железо, как глину, но и был лёгким и удобным для маскировки. Спрятанный под поясом, он не оставлял никаких следов. Он был предназначен в первую очередь для защиты, а не для убийства. Когда его обнажали, он походил на поток ветра, взметающий снег — то изящный, то холодный. Вспышка лезвия — и по лицу веет свежий ветерок.

Поэтому он и получил название «Поток ветра».

Все эти годы, если Шэнь Чии выходил в свет, он обматывал этот меч вокруг талии.

Менее чем через год послековки меча Тайшу Куан скончался, и меч «Поток ветра» неожиданно стал лебединой песней этого великого мастера.

Шэнь Чии взмахнул рукавом, сложил два пальца вместе и провёл по лезвию.

Такое драгоценное и долго сопровождавшее его знаменитое оружие — он в конце концов лишь коснулся его, но не взял.

«Оставь», — сказал он.

Раз уж Му Чэньсюэ держал в руках белое нефритовое кольцо с драконом, а те, кто приходил к нему утром, все были с пекинским говором и явно не простого происхождения, значит, он был втянут в это дело. Впереди — далёкие горы и долгие воды, и этому человеку, возможно, встретится немало опасностей. Пусть этот меч будет ему подспорьем.

Он взял белое нефритовое кольцо с драконом, нашёл пустой парчовый мешочек, положил туда кольцо, поставил его в футляр для меча, закрыл крышку и вместе с мечом «Поток ветра» с размаху поставил на стол.

«Наследный принц хочет оставить вещи у господина Му и забрать их при следующей встрече?»

— спросил Улин. «Написать господину Му письмо, чтобы договориться о времени и месте следующей встречи? Я сейчас приготовлю кисть и тушь...»

Шэнь Чии вздохнул и тихо рассмеялся.

Приняв решение, он перестал колебаться и ответил решительно: «Не надо».

Улин опешил.

Смысл этих слов был очевиден: он хотел порвать окончательно и бесповоротно, чтобы больше никогда не видеться.

Улин застыл в оцепенении на некоторое время.

«Я впервые вижу, как наследный принц заводит любовные отношения с человеком... Раньше я советовал вам быть осторожнее, а вы возражали мне. Как же так — мы провели вместе ночь... и мы вот так уходим?»

Улин, говоря это, вздрогнул. «Неужели с этим господином Му и вправду что-то не так?!»

Шэнь Чии не хотел, чтобы Улин неправильно понял Му Чэньсюэ, и поспешно покачал головой: «Это не его вина. Я действовал опрометчиво и виноват перед ним. Ты был прав, советуя мне сначала выяснить его личность».

Если бы Му Чэньсюэ был просто одним из многих людей в династии Дасин, всё, что произошло между ними в Цзяннани, было бы ничего.

Но Му Чэньсюэ был тем, кто держал в руках белое нефритовое кольцо с драконом. А он сам должен был оставаться в княжеском дворце Цанчжоу и лечиться от болезни. Им не суждено было пересечься в этой жизни.

Главная линия сюжета неумолима, и судьбы персонажей, связанных с оригиналом, были predetermined до конца.

Он уже один раз споткнулся на этом деле и ни в коем случае не должен споткнуться снова.

Споткнуться снова — навредить и себе, и другим.

Улин не понял, что он имел в виду, и просто начал быстро собираться вместе с ним.

Они оба надели плетёные шляпы и сошли с лодки.

Когда Улин возвращался, он купил лошадей и, заплатив немного серебра одной семье на берегу, привязал их у их ворот.

Шэнь Чии взял лошадь, вскочил в седло. Полы одежды взметнулись на ветру, и он вдруг почувствовал, как холод окутал его.

Он уселся в седле, натянул поводья, помедлил и, опустив взгляд, увидел свисающие полы плаща.

Оказывается, ему всё это время не было холодно, потому что он так и не снял этот меховой плащ. Он вернул только белый нефрит, а плащ унёс с собой.

Неважно, по велению сердца или из доброты душевной той ночью Му Чэньсюэ выводил из него яд — его друг Му был человеком чистым, как ясный месяц и свежий ветер.

Он просто нашёл предлог, на ходу соврав, что ему холодно, и этот человек, будучи слепым, завязал на нём меховой плащ.

Ветер первого месяца в Цзяннани всё же задувал в грудь Шэнь Чии, проходя по ней, как по пустынной равнине, — пусто, бело.

Он легонько хлестнул лошадь, поколебался мгновение и всё же обернулся.

Неподалёку расписная ладья по-прежнему безмолвно стояла у берега. На палубе, на верхней галерее, не было ни души.

Сумерки уже накрыли всё вокруг, окрасив бирюзовое озеро в тёплые, дымчатые тона. Безмолвная ладья, погружённая в эту картину, казалась даже немного унылой.

«Наследный принц, — заметил Улин, — если вам жаль расставаться, почему бы не оставить хоть пару слов? Даже если вы хотите разорвать всё одним ударом, лучше объясниться, чтобы господин Му не затаил на вас обиду».

«Пусть лучше затаит обиду. Такой человек, как он, который ради спасения другого провёл с ним ночь и признал его своим мужем, — я могу объяснять что угодно, это бесполезно. Он, скорее всего, захочет разделить со мной и радости, и невзгоды, и тогда уже точно не отпустит».

Но судьба персонажей предопределена, и стена — всего одна. Он уже разбил себе лоб об неё. Откуда же у него силы разбивать её снова?

Вот так вернуться и принять указ — хорошо и для него, и для Му Чэньсюэ.

Он взмахнул плёткой: «Если я уйду сейчас, то для него я буду всего лишь неверным человеком, с которым он провёл одну весеннюю ночь. Благородный муж широк и великодушен — возможно, через несколько дней он забудет меня и найдёт себе другого хорошего человека».

Копыта лошадей взметнули грязь, и они сорвались с места, рассекая ветер.

<http://bllate.org/book/15473/2059489>